

Ларин С. А. «Невозвратимые слова», или Зачем Марья Кириловна «обманывала» Дубровского / С. А. Ларин // Научный диалог. — 2018. — № 8. — С. 134—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-134-146.

Larin, S. A. (2018). “Irrevocable Words,” or Why Maria Kirilovna “Deceived” Dubrovsky. *Nauchnyy dialog*, 8: 134-146. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-134-146. (In Russ.).

УДК 821.161.1Пушкин.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-134-146

«Невозвратимые слова», или Зачем Марья Кириловна «обманывала» Дубровского

© Ларин Сергей Алексеевич (2018), orcid.org/0000-0002-2810-3509, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), larin-s@yandex.ru.

Рассматриваются особенности сюжетного поведения главной героини романа «Дубровский» Марьи Кириловны Троекуровой. Актуальность исследования обусловлена отсутствием работ, объясняющих одну из главных загадок пушкинского текста — несоответствие между описанием обряда венчания и рассказом главной героини об этом событии. Новизна исследования видится в том, что поступки Марьи Кириловны (и в частности, ее отказ предпринимать какие-либо решительные шаги для того, чтобы расстроить свой брак с князем Верейским) анализируются в контексте тех социально-психологических условий, в которых прошли ее детство и юность. Особое внимание уделяется эпизодам романа, позволяющим вскрыть мотивы ключевых поступков главной героини. В ходе проведенного исследования было установлено, что центральное событие романа — брак Марьи Кириловны с князем Верейским — обусловлено не только нерешительностью Владимира Дубровского и его готовностью ни в чем не противоречить воле и желаниям своей возлюбленной, но и стремлением самой главной героини кардинально изменить свою жизнь, избрав в супруги хотя и не любимого, но наиболее перспективного «кандидата». Автор приходит к выводу о том, что интерпретация поступков Марьи Кириловны позволяет по-новому осмыслить любовную коллизию романа, существенно скорректировать представление о характерах и мотивах поведения центральных персонажей.

Ключевые слова: Пушкин; проза; Дубровский; загадка; обман; гендерная семантика; любовные стратегии; анималистическая символика; суицидальные мотивы.

1. Введение

Многие тексты Пушкина содержат загадки, недосказанности, нагромождение сюжетных недоразумений, «хронологические и прочие неувязки» [Кац, 2008, с. 101, 118], на которые обратили внимание уже первые читатели и критики поэта. Особенно интересны в этом отношении произведения конца 1820—1830-х годов. Создавая их, Пушкин явно рассчитывал на проницательность своих читателей.

В романе «Дубровский» не может не удивлять поведение Марьи Кириловны Троекуровой, которая, с одной стороны, искала способ избавиться от ненавистного ей брака с князем Верейским, но с другой — почему-то — не воспользовалась тем шансом, который предоставила ей судьба, послав Дубровского, — мотивы, до сих пор вызывающие споры среди исследователей [Гайворонская, 2011; Кафанова, 2006; Маранцман, 1974; Петрунина, 1987; Соболева, 1963; Фаустов, 2000; Юхнова, 2011 б]. Более того, чрезвычайно странно ведет себя героиня и во время своего несостоявшегося освобождения в XVIII главе романа, а эту сцену, бесспорно, можно считать кульминацией всего произведения. Ведь после последней встречи героев Пушкин явно теряет интерес к судьбе «молодого разбойника». И в заключительной главе романа читатель увидит совсем другого Дубровского — не романтического и влюбленного, способного прощать своих врагов, а жестокого, прагматичного преступника, скопившего себе состояние разбоем и грабежами [Кац, 2008].

Интерпретация поведения Марьи Кириловны, как представляется, позволит добавить новые штрихи к пониманию поэтики и характерологии пушкинских текстов, к осмыслению специфики любовного сюжета.

2. Несостоявшееся освобождение

Когда карета, направляющаяся в Арбатово, была остановлена *вооруженными людьми и человек в полумаске*, открыв дверцу, предложил *молодой княгине* свободу, она не поспешила ему воспользоваться (хотя, казалось, еще совсем недавно с *надеждой* ждала спасения — о чем в тексте не однажды будет сказано). Героиня не задумываясь, едва ли не равнодушно — неслучайно Пушкин использует семантически нейтральный глагол *сказала* — «выдает» *разбойника* мужу, тем самым фактически позволяя Верейскому безнаказанно стрелять в своего *избавителя*, который был обезоружен обещанием *не трогать* князя.

Реакция Верейского на неожиданное появление соперника напоминает поведение графа в повести «Выстрел» [Шмид, 1996]. Оба героя не думают о последствиях, отстаивают свое право сильного, защищают свою женщину, свою честь, свою собственность. И наиболее очевидно это в случае

с князем, который стреляет в наводящего ужас на всю округу предводителя разбойников в ситуации, когда шансы на спасение были ничтожно малы — карету остановили вооруженные люди, известные всей округе своими «подвигами».

На первый взгляд, Марья Кириловна во многом «повторяет» судьбу Татьяны Лариной, утверждающей своим отказом Онегину святость брачных обещаний [Кафанова, 2006, с. 87; Фаустов, 2000, с. 160]. Ведь когда раненый князем, истекающий кровью Дубровский повторно предлагает ей свободу, княгиня твердо и решительно отказывается: *Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 221]. Можно заметить, что Марья Кириловна во время короткого диалога с бывшим возлюбленным — как будто бы даже с особым чувством — говорит о своей принадлежности Верейскому: *Князь мой муж, прикажите освободить его, и оставьте меня с ним...* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 221]. Пораженный ее ответом, герой приводит последние, решительные аргументы. *Что вы говорите, — закричал с отчаяния Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 221]. Казалось бы, это лишь эмоциональный порыв незадачливого влюбленного, который неожиданно осознал, что уже не сможет получить то, чего так страстно желал. Однако за репликой Дубровского скрывается не только бессильный протест.

На все доводы княгиня *возражает с твердостью: «Я согласилась, я дала клятву... князь мой муж... оставьте меня с ним»,* — при этом она еще и обвинит — пусть и косвенно — Дубровского в случившемся: *«Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас»* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 221]. Ответ героини буквально лишает Дубровского сил, «сбивает с ног», и может быть уподоблен воздействию «жалких слов» [Ларин, 2006]. Причем решающими, по-видимому, оказались именно первые слова Марьи Кириловны, поскольку окончание ее речи, как подчеркивает Пушкин, герой уже не был способен понять: *Но Дубровский уже ее не слышал, боль раны и сильные волнения души — лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 221].

Между тем сказанное Марьей Кириловной совершенно не соответствует действительности, в чем можно убедиться, обратившись к описанию венчания.

3. Обряд венчания

Пушкин уже использовал «венчальную» семантику в повести «Метель», и, как было не однажды отмечено исследователями, она лишь уси-

лила ощущение неправдоподобия происходящего [Кац, 2008]. Характерно, что о том, как происходит обряд венчания в «Дубровском», говорится предельно скупо, однако Пушкин не упускает почти ни одной важной детали, правда, в первую очередь сосредоточив внимание на тех мыслях и ощущениях, которые занимают героиню: *Священник вышел из алтаря и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла — но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес невозвратимые слова. Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилостивого супруга, она слышала веселые поздравления присутствующих и всё еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окотана, что Дубровский не прилетел освободить ее* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 220]. Очевидно, что никаких клятв Марья Кириловна не давала, и то, что она сказала Дубровскому, было лишь ее фантазией. Показательно, что в существующих «классических» экранизациях романа — фильмах «Дубровский» (1936, режиссер Александр Ивановский) и «Благородный разбойник Владимир Дубровский» (1988, режиссер Вячеслав Никифоров) — сцена в церкви отсутствует — слишком явным бы стало — в случае буквального следования тексту оригинала — крайне двусмысленное поведение героини, которую создатели фильмов стремились «романтизировать».

Внезапное появление Дубровского в окружении шайки по дороге из церкви в Арбатове и даруемая им свобода поставили героиню перед выбором — аннулировать «недействительный» брак и бежать с *разбойником* или признать себя законной женой князя, обманув своего «спасителя». Ведь согласно и церковным (Православная энциклопедия, с. 146—181), и светским законам, существовавшим в Российской империи, «законными и действительными» не признавались «брачные сопряжения, совершившиеся по насилью» [Свод законов ..., т. 10, ч. 1, с. 7]. И в законе прямо говорится о том, что родители или опекуны не должны принуждать своих детей или лиц, «вверенных их опеке», к браку (ср. судьбу Татьяны Лариной). Даже помещикам было запрещено женить своих крепостных людей против их желания.

Поэтому вопрос-восклицание Дубровского, указывающее на насилие, совершенное в отношении Марьи Кириловны, поставило героиню в весьма затруднительное положение: она была вынуждена сообщить о своем решении, то есть сделать то, от чего старательно уклонялась, предоставив

мужчинам возможность решать ее судьбу. По крайней мере, Пушкин показывает, как Марья Кириловна последовательно будет делать все, чтобы ее брак с Верейским смог состояться. Прежде всего, героиня не выполняет обещание, данное Дубровскому, и не следует его советам. Вместо того чтобы тронуть Троекурова «слезами и отчаянием», или — как советовал Дубровский — умолять отца, броситься к его ногам, представить ему *весь ужас будущего, молодость, увядающую близ хилого и развратного старика*, сказать, что *богатство не доставит... ни одной минуты счастья; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение*; не отставать от него, не пугаться *ни его гнева, ни угроз — пока останется хоть тень надежды* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 212], Марья Кириловна долгое время ничего не предпринимает. *Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства; Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась*, а Марья Кириловна, как замечает повествователь, *день ото дня отлагала решительное объявление* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 213]. Героиня избирает другую тактику. Она пишет письмо Верейскому, в котором старается *возбудить в его сердце чувство великодушия*, умоляет *его отказаться от ее руки и самому защитить ее от власти родителя* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 213], то есть оставляет решение за князем.

Закономерно, что, когда дело все-таки доходит до объяснения с отцом и Марья Кириловна *жалобным голосом кричит, что не хочет замуж за нелюбимого человека*, Кирила Петрович не без основания упрекает дочь в непоследовательности, ссылаясь на ее собственное — крайне противоречивое — поведение: *Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 213]. Разумеется, в разговоре с отцом Марья Кириловна не приводит ни одного из аргументов, которые ей «подсказал» Дубровский. Даже после того, как отец объявил, что она не выйдет из комнаты *до самой свадьбы, запер за собой двери* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 214], и, казалось бы, у героини не должно было остаться уже никаких иллюзий, единственным пламенным желанием Марьи Кириловны будет *увидеться наедине* (с Дубровским. — С. Л.) *и еще раз перед решительной минутой долго посоветоваться* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 214]. И только полная изоляция от внешнего мира и положение «обитательницы» «затворницы» заставит героиню действовать, но так, чтобы не подвергать себя большому риску.

4. Дубровский или Верейский?

Поведение Марьи Кириловны как будто противоречит характеру ее отношений с Дубровским [Сорокин, 2017], особенно если вспомнить окончание их второго тайного свидания: *Он тихо обнял стройный ее стан и тихо привлек ее к своему сердцу. Доверчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника. Оба молчали. <...> Он взял ее руку и надел ей на палец кольцо* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 212]. Однако в тексте романа несколько раз достаточно открыто говорится о том, что Марья Кириловна не любила Дубровского и даже не была в него влюблена. Лишь в конце первого тома (глава VIII), рассказав о том впечатлении, которое произвела на героиню победа Дубровского над медведем, и как бы подыгрывая ожиданиям читателя, автор заметит: *Воображение ее было поражено... <...> Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию — и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее. Между ими основались некоторые сношения. Маша имела прекрасный голос и большие музыкальные способности, Дефорж вынуждался давать ей уроки. После того читателю уже не трудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама еще в том себе не признаваясь* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 190].

Иную трактовку отношения Марьи Кириловны к Дубровскому мы обнаруживаем уже в начале XII главы, перед первым решительным объяснением героев: *Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, с невольной досадою, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. <...> Она скучала без Дефоржа, в его присутствии по минутно занималась им, обо всем хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась. Может быть, она не была еще влюблена, но при первом случайном препятствии или незапном гонении судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть в ее сердце* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 203]. А чтобы у читателя не осталось никаких сомнений, Пушкин подробно описывает чувства, с которыми героиня отправляется на свое первое тайное свидание с Дубровским: *Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чем она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить ее руку. Она решила идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с веселыми шутками, или с безмолвным участием* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 204].

Еще более определенно о чувствах Марьи Кириловны и ее отношении к Дубровскому Пушкин расскажет в XV главе, во время их второй тай-

ной встречи, которая происходит после того, как князь Верейский делает героине предложение. На страстные, пламенные признания Дубровского Марья Кириловна реагирует почти равнодушно. Более того, героиня открыто говорит Дубровскому, что готова прибегнуть к его помощи только в крайнем случае, когда уже не останется других, более «цивилизованных», средств: *Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною — я буду вашей женою* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 212].

Весьма красноречива реакция героя на слова Марьи Кириловны: *Дубровский затрепетал — бледное лицо покрылось багровым румянцем, и в ту же минуту стало бледнее прежнего* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 212]. Очевидно, что не таких признаний он ожидал, когда с риском для жизни или, по крайней мере, для своей свободы, пробирался в сад к Троекуровым. Неслучайно диалог героев завершается обширной, наполненной горечью речью Дубровского, в которой он жалуется на свою судьбу: *Бедная, бедная моя участь... За вас отдал бы я жизнь, видеть вас издали, коснуться руки вашей было для меня упоением. И когда открывается для меня возможность прижать вас к волнующему сердцу и сказать: Ангел умрем! бедный, я должен остерегаться от блаженства — я должен отдавать его всеми силами... Я не смею пасть к вашим ногам, благодарит небо за непонятную незаслуженную награду. О как должен я ненавидеть того — но чувствую — теперь в сердце моем нет места ненависти* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 212].

После «признания» Марьи Кириловны Дубровский наконец отчетливо понимает, что не смог вызвать взаимного чувства у своенравной «арбатовской» барышни. Герой вообще отличается крайней нерешительностью: поддавшись страсти, он отдает свою волю, свою жизнь, свою честь Марье Кириловне — и ничего не требует взамен. Дубровский настолько растворился в своей любви, что, похоже, перестал трезво оценивать происходящее. Он был готов исполнять любые капризы возлюбленной, но не смог ничего предложить ей взамен той жизни [Елисеева, 2014], которая ее ждала в браке с князем Верейским.

Неудивительно, что перспектива связать свою жизнь с таким героем совершенно не привлекает Марью Кириловну, а его аргументы не кажутся ей убедительными [Юхнова, 2011 б]. Даже в начале рассматриваемой сцены Дубровский предлагает только один выход из сложившегося положения, один вариант своего покровительства: *Я бы мог избавить вас от ненавистного человека* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 211]. А когда Марья Кириловна с ужасом отвергает предложение Дубровского, связав его обещанием «не трогать» князя, незадачливый любовник — наивно — поинте-

ресуется: *Но как же спасу вас от жестокого отца?* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 211].

У Марьи Кириловны были и другие причины для того, чтобы крайне сдержанно относиться к Дубровскому и не перейти ту черту, которая отделяет легкое увлечение от глубокого, подлинного чувства. Знаменательная реакция героини на предложение Верейского: *Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным — брак пугал ее как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского»* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 211]. Марья Кириловна не делает большого различия между претендентами на ее «руку и сердце» и воспринимает одинаково негативно и предстоящий брак с Верейским, и возможную связь с Дубровским — и то, и другое ассоциируется у нее со смертью. Она как будто по-своему прочитывает слова Дубровского о смерти, «предвосхищая» желания многих героинь русской литературы второй половины XIX века — образ, с наибольшей интенсивностью воплотившийся в драматургии А. Н. Островского [Филатова и др., 2018] и романах Ф. М. Достоевского [Наседкин, 2002].

На фоне молодого, но нерешительного, а главное, перечеркнувшего своими преступлениями собственное будущее Дубровского фигура пусть уже далеко не молодого и не совсем здорового, однако по-светски любезного и к тому же весьма состоятельного князя Верейского может показаться чрезвычайно привлекательной [Мартыанова, 2014; Юхнова, 2011 а]. По крайней мере, Пушкин подробно описывает впечатление, которое князь произвел на Марью Кириловну, сначала в доме Троекурова, а потом и в своем имении: *Князь был оживлен ее присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами; Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и веселые приветствия светского человека* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 208]; *Марья Кириловна не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения в беседе с человеком, которого видела она только во второй раз отроду* [Там же, с. 209]; *Марья Кириловна веселилась как дитя. Князь Верейской радовался ее восхищению* [Там же, с. 210]. Чередуя эпизоды, в которых Дубровский и Верейский имеют возможность проявить себя, Пушкин как будто дает читателю возможность оценить «плюсы» и «минусы» каждого из них.

К финальной сцене (последней встрече героев по дороге в Арбатове) у Дубровского остается лишь одно преимущество перед князем — его победа над «косматым пустынным» [Там же, с. 189], однако и оно будет

нивелировано удачным выстрелом Верейского. Неслучайно, работая над этим фрагментом, Пушкин ассоциативно сближает Дубровского и побежденного им зверя: *Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленькой пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился* [Там же, с. 189] — *пуля (Врейского. — С. Л.) задела край уха (Дубровского. — С. Л.), кровь показалаь* [Пушкин, т. 8, кн. 2, с. 825]. Вообще медвежья символика помогает в значительной степени прояснить характер отношений между героями. Медведь в романе в первую очередь ассоциируется со стихийным, необузданным, иррациональным и даже разрушительным началом, вполне естественно, что «местом его обитания» является усадьба Троекурова.

Подарив кольцо возлюбленной, Дубровский, по-видимому, стремился ограничить ее волю, подчинить своим желаниям — подобно тому, как в доме Кирилы Петровича заперли «в пустой комнате» *прогладавшегося* медведя, *привязав его веревкою за кольцо, ввинченное в стену* [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 188]. Только Дубровский не способен обуздать «звериное» [Фаустов, 2000], иррациональное начало в самом себе. Поэтому он не смог овладеть героиней, хотя сначала и сумел произвести на нее впечатление: двойником Дубровского становится «рыжий и косой оборванный» [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 215] дворовый мальчишка Митя, который — безуспешно — пытался *красть малину в саду Троекурова*. Стремление к тихой, спокойной семейной жизни возобладало в душе героя, в Марье Кириловне он увидел «призрак» своей матери (мотив белого платья), которой он лишился в раннем детстве, и не смог противостоять ее чарам. А увлекшись погоней за *красавицей*, он совершенно забыл, что это дочь врага.

Неудивительно, что Марья Кирилловна, познакомившаяся с именем Верейского, в котором предстояло *хозяйничать* его будущей супруге, в решительном разговоре с отцом даже не вспомнила один из ключевых аргументов Дубровского — о суетности богатства и роскоши, способных радовать *только бедность*. Ведь о том, какой была жизнь Марьи Кирилловны в доме отца, Пушкин подробно рассказывает в первых главах романа. И эта жизнь разительно отличается от того, что увидела героиня в доме потенциального жениха.

5. Заключение

В начале романа, рассуждая о возможном будущем для дочери, Троекуров предлагал своему *соседу и приятелю Дубровскому* выдать ее замуж за его сына, однако неизменно получал один и тот же ответ: *Мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться*

на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки [Пушкин, т. 8, кн. 1, с. 162]. Пушкин показывает, что желание старого Дубровского не исполнилось. Его сын не просто нашел способ сделаться «приказчиком» и разрушить свою жизнь, но ради «молодой красавицы», дочери своего врага, не только отказался от «благородной», справедливой мести, а даже предал все, что было для него дорого и свято. Но, утратив свою главную цель, он превращается в тривиального грабителя, подчинившего свою жизнь накоплению богатства, отнятого у тех, кто, как кажется герою, является причиной его несчастий, — это во многом предопределило и сюжетную «нежизнеспособность» Дубровского, и, в конечном счете, отношение к нему главной героини.

Источники

1. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 16 томах / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937—1959. — Т. 8. Романы и повести. Путешествия. — Кн. 1. — 1948. — 496 с. — Кн. 2. — 1940. — 621 с.

Литература

1. *Гайворонская Л. В.* Семантика времен года в художественном мире А. С. Пушкина / Л. В. Гайворонская. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — 195 с.

2. *Елисеева О. И.* Повседневная жизнь русских литературных героев. XVIII — первая треть XIX века / О. И. Елисеева. — Москва : Молодая гвардия, 2014. — 397 с.

3. *Кафанова О. Б.* Пушкин и Жорж Санд : творческий дискурс (факты и гипотезы) / О. Б. Кафанова // Вестник Томского государственного университета. — 2006. — № 291. — С. 81—88.

4. *Кац Б. А.* Одиннадцать вопросов к Пушкину : маленькие гипотезы с эпиграфом на месте предисловия / Б. А. Кац. — Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008. — 159 с.

5. *Ларин С. А.* «Скажи, ядовитая змея, уязви, ужаль...» (К семантике «жалких слов» в «Обломове») И. А. Гончарова / С. А. Ларин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2006. — № 2. — С. 326—334.

6. *Маранцман В. Г.* Роман А. С. Пушкина «Дубровский» в школьном изучении / В. Г. Маранцман. — Ленинград : Просвещение. Ленинградское отделение, 1974. — 111 с.

7. *Мартьянова С. А.* Трапеза в системе образов романа А. С. Пушкина «Дубровский» / С. А. Мартьянова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (2). — С. 228—232.

8. *Наседкин Н. Н.* Самоубийство Достоевского : тема суицида в жизни и творчестве писателя / Н. Н. Наседкин. — Москва : Алгоритм, 2002. — 446 с.

9. *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина : пути эволюции / Н. Н. Петрунина. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1987. — 333 с.

10. *Православная энциклопедия* / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. — Т. VI : «Бондаренко — Вафоломей Эдесский». — 752 с.

11. *Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный* / сост. М. М. Сперанский [и др.]. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. — Т. 10. — Часть I. Законы гражданские. — 604 с.

12. *Соболева Т. П.* Повесть А. С. Пушкина «Дубровский» / Т. П. Соболева. — Москва : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1963. — 116 с.

13. *Сорокин А. А.* Принципы кодекса чести в романе «Дубровский» А. С. Пушкина / А. А. Сорокин // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. — 2017. — № 2. — С. 52—58.

14. *Фаустов А. А.* Авторское поведение Пушкина : очерки / А. А. Фаустов. — Воронеж : ВГУ, 2000. — 321 с.

15. *Филатова Д. А.* Пушка, пистолет и кинжалы в драме А. Н. Островского «Бесприданница» / Д. А. Филатова, С. А. Ларин // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 213—222.

16. *Шмид В.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» / В. Шмид. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1996. — 371 с.

17. *Юхнова И. С.* Князь Верейский как речевой тип (Роман А. С. Пушкина «Дубровский») / И. С. Юхнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 2 (1). — С. 329—332.

18. *Юхнова И. С.* Роман А. С. Пушкина «Дубровский» : любовная интрига в свете проблемы общения / И. С. Юхнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 3 (1). — С. 321—324.

“Irrevocable Words,” or Why Maria Kirilovna “Deceived” Dubrovsky

© **Larin Sergey Alekseyevich (2018)**, orcid.org/0000-0002-2810-3509, PhD in Philology, associate professor, Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Voronezh State University (Voronezh, Russia), larin-s@yandex.ru.

The features of the plot behaviour of Maria Kirilovna Troekurova, the main character of the novel “Dubrovsky,” are discusses. The relevance of the study is due to the lack of works explaining one of the main mysteries of Pushkin’s text — the discrepancy between the description of the wedding ceremony and the story of the main character about this event. The novelty of the study is seen in the fact that Maria Kirilovna’s actions (and in particular, her refusal to take any decisive steps to upset her marriage with Prince

Verevsky) are analyzed in the context of the socio-psychological conditions in which the heroine was brought up and passed her formation. Particular attention is paid to the episodes of the novel, which allow to reveal the motives of the key actions of the main character. In the course of the study, it was found that the central event of the novel — the marriage of Maria Kirilovna with Prince Verevsky — was determined not only by the indecision of Vladimir Dubrovsky and his willingness in no way to contradict the will and desires of his beloved, but also the desire of the main character to radically change her life, choosing a spouse, although not a beloved, but the most promising candidate. The author comes to the conclusion that the interpretation of Maria Kirilovna's actions allows to comprehend love conflict of the novel in a new way, to correct essentially representation of characters and motives of behaviour of the central characters.

Key words: Pushkin; prose; Dubrovsky; mystery; deception; gender semantics; love strategies; animalistic symbolism; suicidal motives.

Material resources

- Pushkin, A. S. (1948). *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 16/8 (1). (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1940). *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 16/8 (2). (In Russ.).

References

- Eliseyeva, O. I. (2014). Povsednevnyaya zhizn russkikh literaturnykh geroyev. XVIII — pervaya tret XIX veka. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Faustov, A. A. (2000). *Avtorskoye povedeniye Pushkina: ocherki*. Voronezh: VGU. (In Russ.).
- Filatova, D. A., Larin, S. A. (2018). Pushka, pistolet i kinzhaly v drame A. N. Ostrovskogo «Bespridannitsa» [Gun, pistol and daggers in the drama of A. N. Ostrovsky “The Dowerless Bride”]. *Nauchnyy dialog*, 7: 213—222. (In Russ.).
- Gayvoronskaya, L. V. (2011). *Semantika vremen goda v khudozhestvennom mire A. S. Pushkina*. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS. (In Russ.).
- Kafanova, O. B. (2006). Pushkin i Zhorzh Sand: tvorcheskiy diskurs (fakty i gipotezy). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 291: 81—88. (In Russ.).
- Kats, B. A. (2008). *Odinnadtsat voprosov k Pushkinu: malenkiye gipotezy s epigrafom na meste predisloviya*. Sankt-Peterburg: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge. (In Russ.).
- Larin, S. A. (2006). «Skazhi, yadovitaya zmeya, uyazvi, uzhal...» (K semantike «zhalkikh slov» v «Oblomove») I. A. Goncharova). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2: 326—334. (In Russ.).
- Marantsman, V. G. (1974). *Roman A. S. Pushkina «Dubrovskiy» v shkolnom izuchenii*. Leningrad: Prosveshcheniye. Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Martianova, S. A. (2014). Trapeza v sisteme obrazov romana A. S. Pushkina «Dubrovskiy». *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2 (2): 228—232. (In Russ.).
- Nasedkin, N. N. (2002). *Samoubiystvo Dostoevskogo: tema suitsida v zhizni i tvorchestve pisatelya*. Moskva: Algoritm. (In Russ.).

- Petrulina, N. N. (1987). *Proza Pushkina: puti evolyutsii*. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Pravoslavnaya entsiklopediya*. (2003). Moskva: Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya». 4. (In Russ.).
- Shmid, V. (1996). *Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii. «Povesti Belkina»*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
- Soboleva, T. P. (1963). *Povest A. S. Pushkina «Dubrovskiy»*. Moskva: Izdatelstvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. (In Russ.).
- Sorokin, A. A. (2017). Printsipy kodeksa chesti v romane «Dubrovskiy» A. S. Pushkina. *Vestnik DonNU. Seriya B: Gumanitarnye nauki*, 2: 52—58. (In Russ.).
- Svod zakonov Rossiyskoy imperii. 10 (1). Zakony grazhdanskiye*. (1857). Sankt-Peterburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. (2011). Knyaz Vereyskiy kak rechevoy tip (Roman A. S. Pushkina «Dubrovskiy»). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*, 2 (1): 329—332. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. (2011). Roman A. S. Pushkina «Dubrovskiy»: lyubovnaya intriga v svete problemy obshcheniya. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*, 3 (1): 321—324. (In Russ.).